

самцы, так и самки этой экспериментальной группы (опыт 1), достоверно чаще делали вертикальные стойки (t-test, $p < 0.05$, $n = 11$) и проявляли норковые реакции (t-test, $p < 0.01$, $n = 11$). Самки экспериментальной группы 2 (получавших экспозиции L-фелинина в раннем онтогенезе) чаще, чем контрольные животные (контроль 3) проявляли норковые реакции (t-test, $p < 0.05$, $n = 13$) и делали вертикальные стойки (t-test, $p < 0.05$, $n = 13$), а также совершали достоверно больше актов груминга (Mann-Whitney test, $p < 0.01$, $n = 13$). В то же время, на груминг они тратили достоверно меньше времени (t-test, $p < 0.01$, $n = 13$). Также по сравнению с контрольными животными они реже (Mann-Whitney test, $p < 0.01$, $n = 13$) и не так продолжительно (Mann-Whitney test, $p < 0.01$, $n = 13$) замирали и реже совершали акты дефекации (t-test, $p < 0.01$, $n = 13$). Самцы, экспонированные к L-фелинину в раннем онтогенезе, совершали достоверно больше норковых реакций (t-test, $p < 0.01$, $n = 11$) и актов груминга (t-test, $p < 0.05$, $n = 11$), чем контрольные. Время груминга, как и у самок было снижено по сравнению с контролем.

Таким образом, на основе совокупности полученных данных можно сделать заключение, что опыт обонятельных контактов с химическими сигналами домашней кошки в раннем онтогенезе способствует достоверному снижению показателей пассивно-оборонительного поведения у взрослых животных в ответ на искомые химические сигналы. При этом наблюдается смещение поведения животных экспериментальной группы, имевших ранний ольфакторный опыт с хемосигналами хищника, в сторону исследовательской активности. Экспозиции как мочи домашней кошки, так и феромона кошачьих, L-фелинина в критический период развития обонятельного анализатора не влияет на частоту и продолжительность элементов поведения, которые обычно связывают с высокой стрессированностью животного, например, груминга.

Исследования поддержаны грантом РФФИ 14-04-05011

Список литературы

1. Бородин П.М., Шюлер Л., Беляев Д.К. Проблемы генетики стресса. Генетический анализ поведения мышей в стрессующей ситуации // Генетика. – 1976. – Т. 12, №12. – С. 62-71.
2. Вознесенская В.В., Маланьина Т.В. Влияние химических сигналов хищника *Felis catus* на репродукцию домовую мышь *Mus musculus* // ДАН РАН. – 2013. – Т. 453, № 2. – С. 227-231.
3. Вознесенская В.В., Полетаева И.И. Ориентировочно-исследовательская реакция мышей с различным генотипом под влиянием АКТИГ 4-10 // Ж. Высш. Нервн. Деят. – 1987. – Т.37, № 1. – С. 174-176.
4. Крушинский Л.В. Биологические основы рассудочной деятельности. – М.: МГУ, 1986. – 270с.
5. Соколов В.Е., Вознесенская В.В. Роль раннего ольфакторного опыта в индивидуальном распознавании серой крысы // ДАН РАН. – 1997. – Т. 348, № 5. – С. 1346-1350.
6. Соколов В.Е., Вознесенская В.В., Вайсоки Ч.Д. Индуцированная чувствительность к одорантам: новый феномен // ДАН РАН. – 1996. – Т. 347, №3. – С. 843-847.
7. Miyazaki M., Yamashita T., Suzuki Y., Soeta S., Taira H., Suzuki A. A major urinary protein of the domestic cat regulates the production of feline, a putative pheromone precursor // Chem. Biol. – 2006. – Vol. 13, №10. – P. 1071-1079.
8. Rutherford K.J., Rutherford S.M., Moughan P.J., Hendriks W.H. Isolation and characterization of a feline-containing peptide from the blood of the domestic cat (*Felis catus*) // J.Biol. Chem. – 2002. – Vol.277, №1. – P. 114-119.
9. Stone A., Manavalan S., Zhang Y., Quartermain D. Beta-adrenoreceptor blockade mimics effects of stress on motor activity in mice // Neuropsychopharmacol. – 1995. – Vol.12, № 1. – P. 65-71.
10. Voznessenskaya V.V. Influence of Cat Odor on Reproductive Behavior and Physiology in the House Mouse (*Mus Musculus*): In C. Musignat-Caretta (Ed), Neurobiology of Chemical Communication (Frontiers in Neuroscience Book Series). CRC Press, 2014. – P. 389-405.
11. Voznessenskaya V.V., Feoktistova N.Y., Wysocki C.J. Is there a period during neonatal development for maximal imprinting an odor? // In Johnston, R.E., Müller-Schwarze, D and Sorensen, P.W. (Eds), Advances in Chemical Signals in Vertebrates 8. Kluwer, New York. 1999. – P. 617-621.
12. Voznessenskaya V.V., Klyuchnikova M.A., Voznesenskaia A.E. The role of vomeronasal organ in mediating responses to predator odor // Chem. Senses. – 2007. – Vol. 32. – P. 33.
13. Voznessenskaya V.V., Voznesenskaia A.E., Klyuchnikova M.A. The role of vomeronasal organ in reception of predator scents. Chem Senses. – 2006. – Vol. 31, № 8. – P. 43.
14. Voznessenskaya V.V., Parfyonova V.M., Wysocki C.J. Induced Olfactory Sensitivity in Rodents: A General Phenomenon // Adv. Biosci. – 1995. – Vol. 93. – P. 399-406.
15. Voznessenskaya V.V., Wysocki C.J. Exposure of mice to androstenone induces behavioral sensitivity to androstenone // Chem. Senses. – 1994. – Vol.19, №5. – P. 648-649.

**«Современное образование. Проблемы и решения»,
Таиланд (Бангкок, Паттайа), 20-30 декабря 2014 г.**

Исторические науки

**К 115-ЛЕТИЮ
ИВАНА НИКИТИЧА МАТОЧКИНА**

Коновалова С.Г., Басова Л.А.,
Ульяновская С.А., Серебренников А.Д.
ГБОУ ВПО Северный государственный
медицинский университет, Архангельск,
e-mail: usarambler78@rambler.ru

Иван Никитич Маточкин родился 2 мая 1899 г. в крестьянской семье в деревне Конево Вятской

губернии (ныне – Кировская область). В 1918-1920 гг. будущий профессор получал среднее образование в школе взрослых в селе Салобеляк Яранского района Кировской области, где и работал секретарем сельсовета. После окончания Вятского медицинского техникума в 1924 г. он работал фельдшером и помощником санитарного врача в Яранской городской больнице, а в последующем был назначен заведующим райздравоотделом.

В 1927 г. И.Н. Маточкин был принят в члены партии, что решительно изменило его дальнейшую жизнь. В том же году по решению уездного совета профсоюзов он командировался, для продолжения медицинского образования, в Иркутский государственный университет.

С первых лет студенчества Иван Маточкин проявлял интерес к анатомии человека, что в дальнейшем нашло отражение в его научно-исследовательской и педагогической работе. На втором курсе студент И. Маточкин переводится в Казанский государственный медицинский институт (КГМИ), именовавшийся в тот период именем В.И. Ульянова-Ленина. В КГМИ Иван Никитич успешно продолжает обучение и работает лаборантом на кафедре нормальной анатомии, возглавляемой профессором Василием Николаевичем Терновским. Под руководством профессора В.И. Терновского, Иван Маточкин занимается научными исследованиями анатомии вегетативной нервной системы и, обучаясь на третьем курсе, проводит практические занятия по анатомии со студентами 1 курса.

После окончания университета, в 1931 г. Иван Никитич Маточкин, как способный педагог и перспективный научный работник, работал ассистентом кафедры нормальной анатомии КГМИ. После шести лет плодотворной работы в 1937 г. Иван Никитич защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата медицинских наук. В 1938 г. он получил учёное звание доцента, и был назначен на должность заведующего кафедрой нормальной анатомии, а затем переведён на заведование кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии КГМИ.

В 1940 г. Иван Никитич Маточкин был избран заведующим кафедрой нормальной анатомии Архангельского государственного медицинского института, которую возглавлял более 30 лет, внося значительный вклад в ее организацию и развитие, продолжая расширение музея, где были созданы три раздела: ангио – и неврологии и рентгенанатомии.

Большое внимание Иван Никитич уделял совершенствованию учебно-методической работы. Он создал сплоченный коллектив научных сотрудников, воспитанных в духе традиций Казанской анатомической школы. Под его руководством было выполнено 9 кандидатских диссертаций (Поспелова А.П., Аркадьева С.И., Журавлевская Т.А., Солодовников С.К., Голубева Н.М., Шуркус В.Э., Байдалова Н.Ф., Малахов Ю.Ф., Дубинина Р.В.). И.Н. Маточкин автор более 160 научных работ по направлениям нейроморфологии и анатомия кровеносной системы. В 1945 г. им успешно защищена докторская диссертация на тему: «Экспериментально-морфологическое исследование иннервации мышцы диафрагмы».

Параллельно с научно-педагогической деятельностью Иван Никитич активно участвовал в административной и общественной работе. С 1946 по 1948 гг. он исполнял обязанности декана, с 1949 по 1954 гг. последовательно назначался заместителем директора по научной работе, а затем ректором института. С 1958 г. И.Н. Маточкин являлся членом правления Всесоюзного общества анатомов, гистологов и эмбриологов и председателем Архангельского отделения ВНО-АГЭ. За годы своей деятельности много сделал для становления, оснащения и совершенствования педагогического процесса. Правительство высоко оценило заслуги Ивана Никитича, наградив его орденом Трудового Красного Знамени.

1 декабря 1973 г. после продолжительной тяжелой болезни перестало биться сердце казанского профессора Ивана Никитича Маточкина, которое он завещал музею кафедры анатомии человека. Этот экспонат – ценнейший в коллекции анатомического музея. Светлая память об этом незаурядном ученом, педагоге и человеке всегда будет храниться среди потомков.

Экспозиция, посвященная профессору И.Н. Маточкину, в которой представлено завещанное им сердце, портрет и материал, отражающий его деятельность на кафедре анатомии АГМИ, занимает центральное место в морфологическом музее.

Педагогические науки

ШКОЛА МАТЕРИНСТВА (программа обучения воспитанниц детского дома будущему материнству)

¹Литовченко Л.П., ²Алимбаева С.А.

¹Восточно-Казахстанский государственный
университет им. С. Аманжолова,
Усть-Каменогорск, e-mail: lp.litovchenko@mail.ru

²Детский дом «Умит», Усть-Каменогорск

Учебная программа Школы материнства предназначена для организации обучения воспитанниц детского дома будущему материнству. Прежде чем начать обстоятельный разговор о Школе материнства стоит выяснить: какую сфе-

ру знаний она представляет? И вообще, мыслимо ли в стенах детского дома учить воспитанниц семейной жизни? Как научить их относиться к матери, если она отказалась от своего ребенка? Что значит хорошая мать? Отчего возникает необходимость вводить в воспитательный процесс знания о том, как стать хорошей матерью? Создание семьи, становление ее правил, законов, обычаев – дело сложное вообще, для детей детского дома особенно. А насколько это трудно, можно судить потому, что среди воспитанников детских домов больше всего тех, от кого отказались матери. Проблема социального сиротства – это и проблема материнства. Утрачивается